

Но было бы неправильно ограничивать полемический прицел Зиновия одной церковной политикой представителя государственной власти.

Упреки в сосредоточенном внимании к области «духовного», которыми пестрит Послание Зиновия Шишкину, наводят на мысль, что в своей практической деятельности государев дяк руководствовался не простым формальным следованием нормам, установленным Судебником, но стремился осуществлять эти нормы на высшем уровне моральных принципов, как он их понимал. Может быть, поэтому в своем Послании Зиновий напоминает Шишкину, между прочим, и о Судебнике: «Суд бо милости не имать и пригоже, государь, вскоре судити и правити и обинити и казнити продажею исцовой и Судебником» (л. 204). В этом отрывке Судебник противопоставлен «милости», и это противопоставление не случайно. Явно отвечая Шишкину, не желавшему без тщательного расследования («обыска») приводить тяжущихся к крестному целованию, Зиновий писал: «и то не добродетель, но знамение немилосердия и лености прикрышка, что исцом не дати земские правды да волочить» (л. 199 об.). Религиозные интересы, близкие Шишкину, легко могли привести его к открытию в Библии аргументов в пользу дорогой ему «добродетели» «милостивого суда». В Послании Иакова прямо утверждалось: «Суд бо без милости не сотворшему милости и хвалится милость на суде» (II, 13). Зиновий отвечает на этот текст из Послания Иакова, истолковывая его в том смысле, что «божие книги» велят миловать правого, а не вообще требуют милостивого суда. В противоположность взгляду Шишкина Зиновий утверждает «а святое писание сказывает: суд милости не имать, а только имать миловати виноватого, то не помилует правого и огрубит ему, что велит миритися, и казнит его тем, что его волочит. Про то, государь, божия книги пишут так: суд есть без милости не сотворшему милости. И еще пишет, хвалитца милость на суде. Смотри, государь, божиих книг, как велят творити суд и виноватого миловати не велят, пишут: суд милости не имать. Так же, государь, только не миловати правого ино запряцают и пишут: суд есть без милости не сотворшему милости» (лл. 204 об.—205).

Для Зиновия понятие гражданского закона в конечном счете растворялось в понятии закона божественного. Во всех случаях законопреступления нарушался божественный закон. Сутью наказания являлось поэтому нарушение преступнику божественных заповедей. Наказание выступало как месть, и любые человеческие соображения об обстоятельствах преступления и тем более о личности преступника, которые необходимо входили в понятие «милости», казались Зиновию крамолой, едва ли не ересью. Конечно, Зиновий не называет в своем Послании Шишкина ни крамольником, ни еретиком, к чему и не было никаких оснований. И все же от нас не должна ускользнуть примечательная психологическая деталь. К какому источнику потянулись руки недавнего ученика Максима Грека в его ортодоксальной отповеди дяку Шишкину? Источником, навевшим Зиновию его отповедь, оказывается отрывок из Златоуста, включенный Иосифом Волоцким в «слово» об осуждении еретиков!

Сопоставим памятники:

Послание Зиновия
Шишкину

«Просветитель»
Иосифа Волоцкого

Великий Иоанн Златоуст пишет так: только по воли божьей убийство кто сотворит, и то убийство больше всякой милости пред богом, а только не

Наказует и учит священный Златоуст, сие глаголя: «Еже убо по воли божи бываемо аще и озлобити мнѣтся, всех есть добрейши а еще чрес волю божию и не угодное оному»